

Светлана
Шевченко-Златогорова

КАЖДОМУ
свое

18+

Светлана Шевченко-Златогорова

Каждому своё. Роман

«Автор»

2026

Шевченко-Златогорова С.

Каждому своё. Роман / С. Шевченко-Златогорова — «Автор»,
2026

Кира привыкла держать жизнь под контролем: никаких лишних привязанностей, чужих проблем и опасных чувств. Но однажды утром в её квартире оказывается пятилетний мальчик, а его мать просит лишь об одном — спрятать ребёнка и никому не доверять. Так Кира оказывается втянута в чужую драму, где есть страх, бегство, жестокий человек, привыкший решать чужие судьбы властью и деньгами, и женщина, готовая на всё ради сына. А ещё — мужчина, которого Кира слишком старается забыть. Опасный, притягательный и совсем не похожий на тех, кому можно доверять. Только чем сильнее Кира пытается сохранить привычную холодную рассудочность, тем яснее понимает: прежней её жизнь уже не будет.

© Шевченко-Златогорова С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Светлана Шевченко-Златогорова

Каждому своё. Роман

Глава 1

Каждому своё
Роман

*...работаешь ли, спишь ли,
но створки не распахивались врозь,
и мы прошли их, видимо, насквозь
и черным ходом в будущее вышли.
Иосиф Бродский*

Глава 1

«Некоторые правила не стоит нарушать никогда», — мысль была абсолютно правильной, но совершенно бесполезной теперь. Вторая мысль была более уместной: «Чем кормят детей такого возраста?».

Ведь мальчика надо чем-то кормить? И кстати, сколько ему лет? Кажется, пять. Или четыре. Или шесть? Думать про возраст мальчика было удобнее, чем с утра пораньше решать проблему, которую пока даже осознать до конца невозможно.

Кира смотрела некоторое время на потолок, как будто надеялась, что там найдется ответ, потом натянула край одеяла на подбородок, потом — на нос, и наконец — на глаза. Но очевидно, что спрятаться от проблемы под одеялом невозможно. Она решительно села, прислушиваясь к звукам в квартире. Спит мальчик? Или уже проснулся?

Пока она не зайдёт в спальню, можно отложить как глобальные вопросы, вроде — что ей делать вообще, так и сиюминутные — чем кормят с утра детей?

Кира прокралась в ванную, злясь на себя за нарушенное правило, да и просто злясь непонятно на что. Это же нелепо и ужасно неудобно — в своей крепости, в своей любимой квартире, где можно ходить хоть голой, теперь приходится красться почему-то в ванную. И спать — тревожно и неровно — на диване, который она разложила второй раз в жизни этого самого дивана, да ещё и вынужденно — в домашних штанах и в футболке, потому что облачаться в лёгкую невесомую сорочку, когда в твоей спальне почему-то ночует чужой ребёнок, было совершенно невозможно.

В ванной мрачно рассматривала себя в зеркале, потом криво усмехнулась своему отражению. Конечно, она имела вполне уверенное представление о том, чем кормят детей детского возраста. Просто не хотелось думать про неудобную ситуацию, в которой она оказалась. И выбора у неё по большому счёту, наверное, не было, хотя Кира прекрасно знает, что выбор есть всегда.

Мальчик не спал. Он сидел на Кириной кровати, вздыхал и мял в руках какого-то плюшевого зверя.

— Привет, — тихо позвала Кира, и накатило досадой, потому что у мальчика был испуганный взгляд. Его, наверное, требовалось утешать и подбадривать, а это было куда сложнее, чем придумать для ребёнка какой-нибудь завтрак.

Она прошла в спальню, присела на край кровати, молчала, надеясь, что мальчик сам скажет что-нибудь. Но он тоже молчал, согнув плечики, сопел, мял и прижимал к животу игрушку.

— Я думаю, — начала бодро, но сразу сообразила, что эта бодрость, пожалуй, неуместна, и перешла на тон нейтральный и обыденный. — Давай, ты умоешься, а потом я приготовлю что-нибудь на завтрак? — получилось, что она спрашивает у мальчика.

Тот замер, и Кира растерялась окончательно. Вообще-то именно этот ребёнок в сравнении с остальными детьми производил вполне приятное впечатление. Но только до тех пор, пока Кира не вынуждена была укладывать его на ночь в своей спальне, а теперь возиться с ним.

Мальчик что-то прошепестел так тихо, что Кира не расслышала и переспросила:

— Что?

— Я хочу домой, — сказал мальчик чуть громче и прикусил губу.

«Я тоже хочу, чтобы ты отправился домой», — подумала Кира, но вслух сказала:

— Егор, — хорошо, что она помнила как его зовут! — Егор, но ведь мамы дома нет? — почему-то снова спрашивала она. — И что ты будешь делать дома один?

— Я хочу домой, — мальчик опять шептал, — я подожду маму дома.

Кира вздохнула, порассматривала потолок и твёрдо начала:

— Хорошо. Давай ходим к тебе домой, возьмём, что тебе нужно, а потом, — на секунду замешкалась, думая о том, что делать потом, и вдруг поняла, и сразу стало как будто легче, — мы позвоним маме и узнаем, когда она вернётся, хорошо?

Мальчик задумчиво склонил голову к плечу, посопел пару секунд, но всё-таки кивнул, соглашаясь с немудрёным планом.

К разразившемуся бравой мелодией телефону Кира кинулась, нелепо загребая руками воздух, как, вероятно, утопающие загребают руками воду, спеша к спасательному кругу. Она проверяла телефон, как только поднялась с дивана, оказавшегося на удивление удобным. Проверяла пару раз, пока умывалась и ещё раз — перед тем, как решиться идти в спальню посмотреть, проснулся её внезапный гость или нет. Но сообщений от матери мальчика не было.

Теперь, увидев на экране имя, чертыхнулась. Звонил Димка, а не мать мальчика, и это было ужасно досадно! Потому что правильно — ждать звонка от Димки, а у неё даже из головы вылетело!

Дима радостно пробасил в трубку, что он уже на питерской земле и уже бы начал кутить, но сначала заселится в гостиницу, потом — встреча, а потом он вызовет Киру из домашнего плена, и тогда они будут кутить, наконец, так, что гусары обзавидуются.

— Дим, Димка, я не могу пока кутить, — Кира окончательно расстроилась и разозлилась — опять!

Она оглянулась на мальчика, который держался за дверную ручку и переступал ногами, и вздыхал, и морщился.

Кира от мальчика отвернулась.

— Кир, случилось что?

— Да, — выдохнула в трубку, — у меня тут... ситуация, — говорить при мальчике «проблема» не стала, потому что где-то слышала, что при детях говорить, что они «проблема», нельзя.

Кира шарила по полке в прихожей, искала ключ от чужой квартиры, Дима молчал, а потом буркнул:

— Отправляй своего хахалю и брось ты, Кирюх. Мы сто лет не виделись! — Димка досадовал, и Кира его понимала. — Ну? Мужик у тебя там?

— Нет, — злилась Кира, — у меня ребёнок.

В телефоне была такая тишина, что Кира, которая неудобно прижимала его ухом к плечу, даже глянула на экран — звонок продолжался. Она буркнула «перезвоню», потому что мальчик, едва открылась дверь, ринулся в сторону лифтов, и было слышно, как он нетерпеливо стучит по кнопке вызова.

«Бедный», — вздохнула Кира, когда мальчик, не дожидаясь, пока она откроет пошире дверь в соседскую квартиру, просочился мимо неё и метнулся в туалет, так и не выпуская свою игрушку из рук.

Ему, должно быть, куда сложнее, чем Кире: с чужой тётенькой, в чужой квартире, где он робеет выйти даже в ванную комнату.

В соседской студии пахло плохо. Так пахнет неприятность, так пахнет страх. На столе, в блюде — хрупкие остатки ампул, одноразовый шприц, неопрятной горкой — подсохшая спиртовая салфетка и надорванные бумажки.

Мальчик жался у стены и смотрел на комнату, как будто не узнавая её, широко распахнув глаза, а Кира трусливо старалась на него не смотреть. Она решительно открыла холодильник, мысленно ужасаясь собственной бесцеремонности, достала молоко и какие-то йогурты. Потом, с такой же решительностью открыла шкаф, чтобы найти детские вещи — не будет же мальчик

ходить в пижаме? И молилась мысленно, чтобы мать мальчика поскорее уже позвонила или написала.

Но написал Дима: «Кира, какой ребёнок?!».

А Кира досадливо махнула рукой, как будто Димка мог её видеть.

— Егор, ты, может, возьми пока какие-то игрушки?

— А можно, — торопливо заговорил мальчик, вздыхая и дёргая худенькими плечами, — можно я тут маму подожду?

Кире хотелось сказать строго, что нет, конечно. Но вслух она постаралась говорить мягко: мол, не стоит, потому что мама просила, чтобы он побыл у Киры, а маму стоит слушаться, верно? Почему-то разговаривая с мальчиком, она всё время его спрашивала!

Тогда мальчик тоже спросил:

— Позвоним?

И Кира звонила, присев на краешек стула возле крохотного столика на двоих. Здесь всё было таким маленьким и выглядело хрупким, картонным: и стол, и узкий диванчик, и шкаф, и даже холодильник. Как будто эта студия — не настоящее жильё, а макет, выставочный образец, компьютерная графика, которая лишь намекает на то, как можно организовать пространство на этих скромных метрах.

Мать Егора не отвечала.

Мальчик был покладист, и хотя личико у него было несчастным, он согласно кивнул — раз мама сама просила, придётся подождать её у Киры.

Разговаривать с Димкой при ребёнке было неловко. И непонятно, куда его лучше пристроить — в спальню или на лоджию, где у неё кабинет, куда посторонним вообще вход воспрещён, хотя посторонних в её квартире не бывает. В ней вообще никого не бывает. Два года назад, когда Кира закончила ремонт и всё не могла налюбоваться на свою крепость, на свой, на самом деле свой — дом, у неё ночевал Димка, но это не в счёт.

— У нас есть йогурт, и у меня есть форель, ты любишь такое? — показала мальчику упаковку с розовыми слайсами солёной рыбы, и тут же подумала, что дети если и едят рыбу, то, наверное, нужно делать бутерброд или суп, или котлеты, а не салат с рукколой и смесью семян?

Мальчик вздыхал и маялся не меньше Киры. Она же раздражалась и снова набирала телефон матери Егора, но ответа по-прежнему не было.

— А ты любишь пиццу? — внезапно озарило Киру, и мальчик проявил хоть какой-то интерес наконец к её хлопотам. Уточнив, какую именно пиццу, с некоторым облегчением заказала не только «пепперони», но и морс, и какой-то десерт. Если следовать правилу, что большую проблему лучше решать маленькими шагами, то один маленький шаг — накормить ребёнка, внезапно оказавшегося в её квартире, она почти сделала. Возможно, стоило начать день с каши или хотя бы с йогуртов, но Кира чувствовала себя и так нелепо, а смущение и скованность мальчика заставляли её ощущать себя ещё хуже.

Чтобы ответить Димке, пришлось выйти на лоджию и плотно прикрыть дверь, но всё равно Кира старалась говорить тихо.

Кроме того, что проблемы надо решать небольшими порциями, Кира читала, что высказанные вслух, они становятся не такими страшными и неразрешимыми. Однако короткий пересказ Диме событий никакого облегчения не принёс. Ситуация стала как будто ещё нелепей. Кира — человек основательный, и давным-давно поняла, что любая ответственность должна быть, во-первых, по силам, а во-вторых, если не уверен в этих самых силах и собственных способностях, лучше не бери на себя лишний груз. И вообще — лишнего и чужого не бери. Ни работы, ни ответственности. Мальчик — точно не её ответственность. А Кира понятия не

имеет, что с его матерью и есть ли хоть какие-то люди, которым можно эту ответственность передать.

Теперь Кира, которая так неудачно, не сообразив вовремя, ответила на настойчивый телефонный звонок соседки, совершенно не может представить, что делать дальше, и молится неизвестно кому, чтобы с матерью мальчика всё было в полном порядке. Честность — ещё одно не столько качество, сколько правило хорошей, правильной и спокойной жизни — Кира ценила как чужую, так и свою собственную. Быстро, выделяя самую суть, рассказывая Диме, в каком положении она оказалась, Кира совершенно точно понимала — её не особенно беспокоит состояние здоровья малознакомой молодой женщины, матери мальчика. А вот вопрос, как долго та будет находиться в больнице, как раз беспокоит всерьёз.

— У меня, понимаешь, даже времени как-то возразить не было, понимаешь? — зачем-то переспрашивала, хотя Дима — человек очень сообразительный и, конечно, понимал.

Вчера, в тот самый момент, когда Кира пальцем мазнула по экрану, принимая, а не отклоняя или ещё лучше — не игнорируя звонок, она точно знала, что ничего хорошего в этом звонке нет.

Во всех мессенджерах у Киры была чёткая информация о том, что звонить ей можно только в рабочее время. И мастер, которая так хорошо умеет подстричь и покрасить, а ещё просто так, даром, хотя Кира и оставляет чаевые, даёт полезные и точные советы и по уходу за волосами и по макияжу, помогает купить маски и бальзамы, которые теперь запросто не купишь, это прекрасно знала! И никак не могла звонить в половине десятого!

Но вчера Кира ответила и ничуть не удивилась придушенному паническому голосу в трубке. Этот голос умолял срочно прийти, потому что мальчик никак не может оставаться дома один! Голос срывался и прерывался, Кира отчётливо слышала судорожные вдохи между отрывистыми словами.

— Меня, — вдох со свистом, — увозят, — вдох, — в больницу.

Кира, разумеется, пошла к соседке. Сосредоточенная и деловая. Отчего-то будучи твёрдо уверенной, что самое большее, что ей придётся сделать для внезапно захворавшей парикмахерши — это побыть недолго с мальчиком, пока приедет кто-то из родственников. Хотя, кажется, родственников у соседей в Питере нет, что-то такое Олеся говорила. Но наверняка есть задушевная подруга, такая же мамочка, вполне вероятно, такая же одинокая и так же зарабатывающая парикмахером, мастером ногтевого сервиса или работником торгового зала.

Войдя в крохотную студию, отчётливо поняла, что соседка не подхватила вирус, а заболела чем-то куда более неприятным. Щёки и лоб её были неприглядно белыми, как свежоштукатуренная стена без колеровки, лицо всё было покрыто похожим на водяную плёнку потом, а вокруг глаз и губ как будто кто-то мазнул грязно-желтым и серым.

— Мне некому, совсем некому, заberi, заberi Егора, я заплачу, — хватала Олеся за руку.

Кира двигалась автоматически, как робот, а врач, большая грубоватая женщина распорядилась, требуя документы и что-то ещё. Олеся говорила, где бумаги и тапочки, а Кира поджимала губы, задирала брови и морщилась — ужасно неловко копать под прицелом чужих глаз в чужом шкафу и комод!

Врач смотрела на неё подозрительно и даже хотела как будто что-то спросить или уточнить, но делать этого не стала. Олесю, закатывающую глаза и едва переступающую на неловких ногах, увели. Кира смотрела на блюдце с ампулами, а мальчик — на дверь, которую никто и не подумал хотя бы прикрыть. И они оба, и Кира, и мальчик, вздрогнули и посмотрели друг на друга, когда откуда со стороны лифтов услышали резкий окрик врача:

— Толик, держи, держи, твою мать, а ну, давай, давай, — а потом с лестничной площадки от лифтов донеслась какая-то возня и хлопки.

Тогда Кира, которой и самой было не по себе, стала говорить громко и надеялась, что её речь достаточно убедительна, хотя молола она, кажется, всякую чушь вроде: всё будет в порядке, маме помогут в больнице, а мы просто её подождём у меня, ладно?

Ей так не хотелось задерживаться вчера в чужой квартире, что она даже не подумала взять что-нибудь из одежды мальчика, так и увела к себе в пижаме. Забавной пижаме с принтом из лукавых лисьих мордочек.

Она едва успела закончить краткое изложение событий, в котором старательно обходила эмоции, как в трубке противно завибрировало параллельным вызовом, Кира машинально оглянулась на балконную дверь, как будто звонили оттуда. Мальчик, Егор — Кира отлично помнила, но продолжала называть его про себя «мальчик», как будто хотя бы внутренне проводя черту и границу своей ответственности за него. Егор стоял за дверью, отделяющей кухню от лоджии, делал большие глаза и махал нетерпеливо рукой.

Увы, и в телефон, и в домофон звонил доставщик пиццы, а не мать мальчика, не кто-нибудь из его родственников и знакомых, которые бы избавили Киру от необходимости маяться, ждать и принимать какие-то решения.

При виде пиццы мальчик оживился, и глаза стали не такие испуганные, и хватку, которой он держал своего зверя, которого Кира определила как бобра, ослабил.

Она благоразумно решила молчать, пока мальчик не начал снова просить позвонить маме или отвести его домой. Улыбаясь, она раскрыла коробку с пиццей, достала из бумажного пакета морс и стаканчик с десертом, кивнула мальчику как можно доброжелательней и снова вышла на лоджию.

Телефон у Димы был теперь занят, и Кира решила, что это даже к лучшему, потому что ей нужна пауза, чтобы придумать и сделать какой-нибудь ещё маленький шаг, который непременно должен быть сделан, чтобы наконец большая проблема — внезапная ответственность за совершенно чужого ребёнка — как-то решилась.

Она опустила в рабочее кресло, поморщилась, обводя взглядом свой мини-офис, вздохнула, стараясь не думать о том, что так славно спланированные выходные, которые на этот раз — настоящий уикенд, потому что начинались в пятницу, а не в субботу, — нарушены.

Кира прекрасно знала, что сожаления — пусты сами по себе и опустошают человека, поэтому долго концентрироваться на них нельзя, станет ещё хуже. Она прикрыла глаза, сделала несколько ровных вдохов и выдохов.

— Во-первых, — шевелила губами Кира, накручивая на карандаш косую чёлку и слегка раскачиваясь в кресле влево-вправо, — ещё вполне вероятен благоприятный поворот.

Таким поворотом стал бы звонок от мамы Егора, и лучше не по телефону, а прямо в дверь! И Кире так отчётливо представилось, как сияющая и абсолютно здоровая Олеся раскрывает руки, мальчик кидается в её объятия, и все улыбаются. Кира оказалась приличным человеком, способным на доброе дело. А Олеся, например, попросту отравилась каким-нибудь фастфудом, перекусывая в течение длинного рабочего дня.

Кира аккуратно опустила карандаш в стильный дизайнерский стаканчик, сложила на груди руки и нахмурилась. Главное в таком идеальном сценарии — как-то поставить себя так, чтобы Олеся не пришло в голову, что к клиентке, которая случайно оказалась соседкой, теперь можно обращаться запросто, в любое время.

Ей не раз встречались матери-одиночки, а то и вполне замужние матери, которые считали, что окружающие с восторгом должны смотреть на их чад и, разумеется, помогать! Помогать или идти на встречу, или входить в положение должны все: государство, родственники, приятели, соседи и даже случайные попутчики!

Кира растрепала челку, откинулась на спинку, вытянула шею. Мальчика было видно не целиком — только плечо, светлые, как у матери, волосы и розовое ухо.

Сейчас не время философствовать и рассуждать о таких неоднозначных вещах, как некоторые современные взгляды на детство и материнство.

Кира машинально глянула на настольные часы — подделка под старину, но вещица стильная — и стала размышлять дальше. Она ни разу в жизни не лежала в больницах, но благодаря фильмам или воспоминаниям из детства, когда младшая сестра как раз лежала, она что-то смутно помнила про то, что бывает врачебный обход, и даже время посещения как-то регламентировано, наверное? Вероятно, у Олеси попросту нет возможности позвонить?

И, вроде бы, вчера врач куда-то звонила и говорила, в какую больницу повезут соседку, но ошарашенная Кира не запомнила. Наверное, стоит позвонить в ту больницу и что-то узнать? Но это снова были обрывочные мысли из каких-то кино и сериалов, и Кира смутно вспоминала, что информацию посторонним, кажется, не дают?

Она была готова выть от досады, но вместо нецелесообразного вытья набрала в поиске: «станции СПб» и даже ухмыльнулась: надо же, вспомнила откуда-то само слово — «станция»!

Логично рассудив, что вряд ли соседку повезли куда-нибудь в центр или другой район города, стала прикидывать на карте ближайшие больницы. И всё-таки активные действия по розыску матери Егора Кира старательно откладывала.

Решив придерживаться того же доброжелательно-нейтрального тона, она предложила мальчику посмотреть мультики, спокойно сообщила, что мама, очевидно, пока слишком занята, поэтому им придётся подождать. Но на самом деле, она с уже стремительно тающей надеждой на лучший исход продолжала ждать, что Олеся объявится сама.

Приободрилась, когда от Димки пришло сообщение. Неунывающий, непоколебимо оптимистичный и уверенный Димка велел, чтобы Кира не кисла и не надеялась отменять их загул: «Даже если начнём кутить в детсадовском духе!».

В следующем сообщении Димка спрашивал, какие карусели Кира в детстве категорически не переносила, присылал видео, где на сумасшедших аттракционах катались сумасшедшие люди.

Она так обрадовалась Димкиному звонку в понедельник и так ждала, что он приедет, и они будут веселиться, и она наконец сможет расслабиться и говорить о чём угодно! Нет, она не собиралась обсуждать с ним свои мучительные размышления и переживания последних месяцев, но так уж выходило, что они начинали говорить на всякие серьёзные темы будто шутя, как будто просто философствовали и иронизировали, и говорили «вообще», а не обсуждали неудавшиеся отношения, например. Но выходило так, что наступал покой и приходила та самая ясная и понятная мысль, которая ставила всё на свои места и делала сложное простым.

А грустных, маятных мыслей накопилось изрядно. Занозисто тревожило и беспокоило какое-то размытое и непонятное будущее. И такой же занозой поддёргивало от мыслей о каком-то странном, зависающем романе, который будто застопорился на одном кадре. И так хотелось слушать Димку и рассуждать самой, и позволять себе крепкие словечки, и неправильную еду — хот-дог или шаверму, потому что Димка уверен — в Питере надо есть шаверму и запивать её пивом, как будто они снова студенты, а не солидные взрослые.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.